

ПОДМЕТНОЕ ПИСЬМО XVIII В. КАК ФАКТ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья посвящена анализу особого жанра «народной публицистики» XVIII в. – жанра так называемых подметных писем, получивших широкое распространение в России в первой половине XVIII в. и никогда ранее не становившихся предметом особого исследования. Эти редкие, анонимные, сохранившиеся преимущественно в рукописном виде памятники словесности, по мнению автора, с полным правом могут быть отнесены к жанру художественной литературы. В статье выделяются характерные жанровые признаки подметного письма, перечисляются различные тематические группы подобных писем. В качестве наиболее яркого примера сочинений этого жанра анализируется содержание выдающегося памятника публицистики эпохи Анны Иоанновны, известного подметного письма 1732 г., посвященного критике церковных еретиков и бироновицины, следствие по которому велось в Тайной канцелярии на протяжении лет и закончилось ничем. В тексте письма, неоднородного по своему содержанию, прослеживаются черты различных литературных традиций: высокой книжно-библейской лексики и мотивы, идущие от традиций старообрядческой обличительно-агитационной литературы. Наиболее вероятной кандидатурой на авторство письма является, по нашей гипотезе, бывший директор первой Санкт-Петербургской типографии Михаил Аврамов (1681–1752), одаренный писатель и публицист, соратник и единомышленник лидера консервативно-церковной оппозиции первой трети XVIII в. архимандрита Маркелла Радышевского (ум. 1742).

Ключевые слова: подметное письмо, публицистика XVIII в., политический донос, письма корпоративные, разоблачительные, агитационные, Маркелл Радышевский, Михаил Аврамов.

Информация об авторе: Крашенинникова Ольга Александровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ФГБУН Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Россия.
E-mail: info@imli.

Дата поступления статьи: 16.01.20.

Для цитирования: Крашенинникова О.А. Подметное письмо XVIII в. как факт литературы // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 102-108. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-102-108.

Ol'ga A. Krasheninnikova
A.M. Gorky Institute of World Literature

ANONYMOUS LETTERS OF THE 18TH CENTURY AS A FACT OF LITERATURE

The article is devoted to the analysis of a special genre of «people's journalism» of the 18th century – a genre of so-called letters placed stealthily that were widely spread in Russia in the first half of the 18th century and have never become the subject of special research. These rare, anonymous, preserved mainly in manuscript form monuments of literature, according to the author, can be rightfully attributed to the genre of fiction. The article highlights the characteristic genre features of the swept letter; lists various thematic groups of such letters. As the most striking example of works in this genre the author analyses the content of the famous anonymous letter as of 1732, an outstanding work of journalism of the era of Anna Ioannovna, devoted to criticism of the Church heretics and Ernst Johann von Biron. Investigation of the 1732 letter had been conducted in the Secret Chancellery for years and came to nothing. In the text of the letter; heterogeneous in its content, the features of various literary traditions are traced – high book-biblical vocabulary and motifs coming from the traditions of the old believers accusatory and agitation literature. The most likely candidate for authorship of the letter is, according to our hypothesis, the former Director of the first St. Petersburg printing house Mikhail Avramov (1681-1752), a gifted writer and publicist, associate and adherent of Archimandrite Markell Radyshevskiy (†1742), the leader of the conservative Church opposition of the first third of the 18th century.

Keywords: anonymous letter, 18th century journalism, political denunciation, corporate letters, accusatory, agitation letters, Markell Radyshevskiy, Mikhail Avramov.

Information about the author: Ol'ga A. Krasheninnikova, Candidate of Philological Sciences, senior staff scientist of A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
E-mail: info@imli.

Article received: January 16, 2020.

For citation: Krasheninnikova O.A. Anonymous letters of the 18th century as a fact of literature. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 102-108 (in Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-102-108.

Первая треть XVIII в. – эпоха правления Петра I и Екатерины, а затем и Анны Иоанновны – была ознаменована широким распространением анонимных подметных писем¹. Подметные письма подкидывались всюду: в дворцовых покоях и вестибюлях, в храмах, на улицах, во дворах домов, прибывались на заборах... Раскольник и книгописец Григорий Талицкий около 1700 г. резал особые деревянные доски, с которых собирался печатать «воровские»

письма о последних временах, о пришествии царя-антихриста (Петра I), чтобы раздавать эти письма в народ [Есипов: 59–61]. В наиболее острых по содержанию листовках народ извещался об опасности, грозившей российскому государству вследствие воцарения антихриста (в старообрядческих документах), или готовящегося политического заговора, или измены. Так, около 1725 г. получило хождение письмо, в котором князь А.Д. Меншиков сравнивался с царем Борисом Годуновым и обви-

нялся в замысле погубить «истинного наследника, внука Петра Великого» (Петра II, сына царевича Алексея): «Известие детям российским о приближающейся погибели росийскому государству, как при Годунове над царевичем учинено: понеже князь Меншиков истинного наследника, внука Петра Великого, престола уже лишил, а восставляют на царство росийское князя голштинского²: о горе, Росия, смотри на поступки их, что мы давно проданы»³.

В июле 1732 г. в вестибюле царского дворца в Петербурге было подброшено письмо, обличавшее императрицу Анну Иоанновну и ее правительство в национальной измене, передаче страны на разграбление немцам-еретикам [Известное подметное письмо: 448–460]. Беспрецедентный размах следствия по поискам сочинителя этого последнего подметного письма свидетельствовал о том, что его автор затронул наиболее острые проблемы русского общества начала 30-х годов XVIII в., самые болевые его точки.

Правительство всеми силами боролось с подметными письмами. Так, в петровском указе 1715 г. «О нечинении доносов, о подметных письмах и о сожигании оных при свидетелях на месте» говорилось, что «понеже многия являются подметные письма, в которых большая часть воровских и раскольничьих вымышлений, которыми под видом добродетели яд свой изливают; того ради повелевается всем: кто какое письмо поднимет, тот бы отнюдь не доносил об нем, ниже чел, ни распечатывал, но, объявляя посторонним свидетелям, жгли на том месте, где подымет»⁴. Публичное сожжение на площади одного из подобных анонимных писем, в котором разоблачались члены Высшего суда, было совершено самим Петром I в 1724 г. [Курукин, Никулина: 242–243].

Позднее, после смерти Петра I, в 1726 г., указом Верховного тайного совета человеку, нашедшему письмо, предписывалось немедленно сообщить о нем властям, за что ему полагалась награда до 1000 рублей, повышение чина, а крестьянам и слугам за это была обещана воля [Курукин, Никулина: 245]. Борьба с подметными письмами продолжалась и в правление императрицы Анны Иоанновны. Напуганная появлением летом 1732 г. подметного письма, угрожавшего ей бедствиями и карой Божией, императрица 11 августа 1732 г. подписала указ «О сожигании подметных писем, не распечатывая и не прочтя, на том же месте, где оныя подняты, при свидетелях»⁵.

В то же время, начиная уже с петровской эпохи, борьба с подметными письмами сочеталась с активным поощрением доносов, причем правительством всячески приветствовались не анонимные, а явные доносы. Петр I неоднократно призывал своих подданных доносить «явно» обо всех непорядках и преступлениях, обещая доносчикам богатое вознаграждение, повышение в чинах и различные

льготы. В 1714 г. им был учрежден специальный институт фискалов, чьей прямой служебной обязанностью было доносить о всех злоупотреблениях на местах, мятежах, бунтах, не говоря уже о злоупотреблениях против жизни и здоровья царствующих особ. Так, в том же петровском указе 1715 г. разъяснялась необходимость и большое значение доносов: «Нет в доношениях никакой опасности <...>. Кто истинный Христианин и верный слуга своему Государю и отечеству, то без всякаго сумнения может явно доносить словесно и письменно о нужных и важных делах Самому Государю»⁶.

Несмотря на принимавшиеся правительством меры, подметные письма продолжали появляться. Широкое распространение подметных писем в начале XVIII в. объяснялось тем, что журналистика в России в то время только еще зарождалась и подметные письма как форма прямого выражения народного мнения выполняли функцию, аналогичную функции публицистики в более позднюю эпоху.

Попытаемся определить те признаки, которые сближают жанр подметного письма с публицистикой, и те черты, которые отличают подметное письмо от явлений документальных жанров (например, от доносов). К постоянным жанровым признакам подметных писем следует отнести:

1. Анонимность. Подметные письма никогда не подписывались, и их авторы чаще всего оставались неизвестными.

2. Опора на факты и установка на их достоверность. Функцией подметного письма было обнаружение ранее неизвестных фактов и событий с уверением читательской аудитории в их достоверности.

3. Выражение не личного, а коллективного народного мнения. Автор письма выступал от лица некоей социальной или конфессиональной группы.

4. Адресатом подметного письма являлось не конкретное должностное лицо, а широкая народная аудитория: письма могли быть обращены к «православным читателям», «святим отцам и братьям», «правоверным христианским родам», «рачителям благочестия», «христоролюбцам» и т. д. Если адресатом письма выступал царь или царица, эти последние рассматривались в подметных письмах как символы государственной власти и им задавались общезначимые для всего народа и нации вопросы. Характерно, что подметные письма не посылались конкретному адресату, а разбрасывались в публичных местах, чтобы вызвать общественный резонанс, привлечь к себе внимание как можно большего числа людей.

5. В подметных письмах часто поднимались значимые проблемы российской жизни. Подметное письмо являлось барометром общественного мнения, указывало на социальные пороки и злоупотребления власти и в этом плане представляло собой уникальный исторический источник.

6. Авторы подметного письма пользовались широкой палитрой эмоционально-выразительных средств литературного языка, нередко прибегали к высокому стилю, употребляя церковнославянскую лексику и цитаты из Священного Писания, – в отличие от деловых документов, в которых использовались обороты и клише делового стиля, характерные для официальных прошений и челобитных.

Четыре последних из перечисленных жанровых признаков подметного письма позволяют с большой долей уверенности отнести его к художественной словесности, близкой к публицистике, а не к явлениям документально-деловой письменности.

По содержанию подметные письма можно разделить на несколько тематических категорий: корпоративные, разоблачительные, агитационные.

Корпоративные – письма, написанные от лица какой-то социальной или профессиональной группы и выражавшие интересы этой группы лиц. Так, например, известно анонимное подметное письмо Петру I, написанное кем-то из солдат петровской армии, в котором он жаловался царю на тяготы Северной войны: «Уже де тому 15 лет, как началась война с Шведом, нигде мы худо не зделали, и кровь свою не жалеючи проливали, а и поныне себе не видим покою, чтоб отдохнуть год или другой, жон и детей не видим, нас де как нарочно мучат...» [Подметное письмо государю императору: 27].

Разоблачительные письма могли быть близки к доносам – в этих письмах обличались обычно злоупотребления каких-то конкретных лиц. Например, в 1725 г. было много подметных писем против Меншикова, который сравнивался с Борисом Годуновым, а внук Петра Петр Алексеевич – с царевичем Димитрием. Известно также письмо, адресованное Анне Иоанновне и разоблачавшее откупщиков, расхищавших казну и спаивающих народ [Донос на откупщиков и компанейщиков: 8–13]. В наиболее значительных по содержанию письмах подвергались критике серьезные явления общественной жизни. К разоблачительным письмам можно отнести и старообрядческие писания, направленные против церковной реформы и царя Петра-антихриста. Старообрядец Ларион Докукин⁷ около 1715 г. распространял «возмутительные» письма, обличавшие Петра I и вводимые им новые порядки. В одном из писем Докукин признавался, что «велми сердце ми болит, видя опустошения Новаго Иеросалима»: «Слова и звании нашего слованскаго языка и платья переменили, главы и брады обрили и персоны свои ругательски обезчестили; несть в нас вида и доброты и разнствия с иноверными языки, купно с ними пиришествуем, ядим, пием, веселимся, живем <...> и с ними иноверными языки и с иными бесурманы последствуем их нравом и законом, забыв страх Божий и христианския законы уничтожили...» [Есипов: 183–184]. Сходной тематики

было и более позднее по происхождению подметное письмо 1732 г., написанное не старообрядцем, но также посвященное межконфессиональной полемике: в нем разоблачались церковные еретики во главе с Феофаном Прокоповичем, готовившие, по мнению автора, унию с лютеранами, а также обличалась верховная власть, отдавшая страну на разграбление немцам.

Отдельные письма обличительного характера можно отнести еще и к разряду **агитационных** – это те документы, которые не просто разоблачали недопустимые явления общественной жизни, но содержали призыв к народу не повиноваться неправедной власти, пострадать за веру и чистоту православия. Так, старообрядец Ларион Докукин в одном из своих писем писал: «Молю вас, христороубцы, не убойтеся сего, станем, бодрствуим, изтрезвимся и на супостатов своих врагов крестом Христовым вооружимся сим, победим немощную их злокозненную силу» [Есипов: 181]. Анонимный автор подметного письма 1732 г. также призывал своих читателей: «О возлюбленнии, потщимся за веру святую и за отеческия законы пострадати мужески и внити в славу вечную!» [Известное подметное письмо: 456].

Рассмотрим подробнее некоторые отличительные особенности подметного письма 1732 г. – выдающегося памятника русской публицистики эпохи Анны Иоанновны, посвященного критике церковных еретиков и бироновщины. Появление этого письма дало толчок длительному судебному расследованию по поискам его автора, получившему в истории название «Решиловского дела» [Чистович]. Анонимный автор письма принадлежал к наиболее образованной части русского общества, был близок к церковным кругам и глубоко переживал наиболее болезненные проблемы современного ему общества. Подметное письмо 1732 г. состоит из двух больших частей (фактически это два разных письма близкой тематики), первая из которых неоднородна по своему составу и включает многочисленные вставные элементы, усиливающие основной разоблачительный эффект сочинения. К этим элементам относятся: силлабические вирши, служащие эпиграфом к письму:

О, мно(го)бедная Росия, плачися, рыдай горко,

Царя и патриарха не имеешь времени колко,

Церковь твоя матка обладаема еретиками,

Велящих входить в ню с табаком, покрывся паруками

[Известное подметное письмо: 448],

тексты 10 пародийных анти-заповедей Священного синода, вымышленное письмо папы Бенедикта XIII к своему «наимилшему сыну» – архиепископу Феофану Прокоповичу, а также эпизоды из житийной литературы. 10 пародийных заповедей еретиков составлены, как и вирши, по модели народного рифмованного рашного стиха:

...С еретики в брак по всему вступить допустили,

И входом оных святилище Божие осквернили,

Самоизвольно ся обнажили, мантии сложили,
Посты разрешили, на иконы книги положили...

[Известное подметное письмо: 452].

Помимо этих десяти лжезаповедей, утвержденных Святейшим синодом, упоминаются и другие: «Кто табаку не пьет, расколщик, кто посты, хранимые церкви, держит, и то расколщик, церковники, которые ходят з бородами и не в немецком платье, не достойны быть в церковном служении. Таковы синодалные уставы...» [Известное подметное письмо: 453].

В процитированном нами отрывке прослеживается явное влияние подметных писем начала 1700-х гг., фигурировавших в следственном деле раскольника Григория Талицкого. В его листках также звучала тема десяти антизаповедей. Согласно материалам следствия, книгописец Талицкий резал доски, с которых печатал листы с изображениями этих 10 заповедей, которые затем разбрасывались в народе. Заглавие их было: «Десять заповедей, противных Богу: 1) должно стричь бороды; 2) должно носить немецкую одежду; 3) носить на голове паруки; 4) безнаказанно даже нюхать табак» [Письма и донесения иезуитов: 89]. Подчеркнем: следствие над Талицким имело место на заре правления Петра, в 1701 г. Автор же письма 1732 г. художественно обыграл старообрядческий мотив 10 антизаповедей и использовал его уже не для обличения царя-антихриста, а для критики политики Священного синода в эпоху аннинского правления. Так, в числе еретических нововведений Синода последних лет (1720-х гг.) в письме упоминались недавние указы, касавшиеся непоминовения восточных патриархов, крещения через римское обливание, разрешения вступать в браки с иноверными, запрета на монашеские постриги, разрешения постов, борьбы с иконопочитанием, строительства церквей со шпильями и др.

Еще один вставной эпизод в подметном письме 1732 г. – это разоблачительное письмо папы римского Бенедикта III к Феофану Прокоповичу. Феофан действительно учился в молодости в коллегии иезуитов св. Афанасия в Риме и был настолько успешен в учебе, что, согласно легенде, получил от папы Климента XI приглашение остаться в Риме. Из подложного письма папы Бенедикта III (1724–1730) следует, что Феофан был якобы «наимилшим сыном» папы – тайным агентом папского престола. Феофан, войдя в доверие к Петру I, который «отеческие законы поломал» и «кулюбил лютерскую веру», якобы много лет работал над подготовкой церковной унии, чему способствовали развод Петра с царицей Евдокией и его брак с лютеранкой, казнь царевича Алексея и отмена патриаршества на Руси. Подложное письмо папы Бенедикта к Феофану в архиве Тайной канцелярии сохранилось еще в одном списке – в виде отдельного самостоятельного документа. Не исключено, что оно являлось более ранним по происхождению

текстом: речь в нем шла о событиях 1718–1721 гг. и о Петре I в нем говорилось как о еще здравствующем царе. Если это так, то автор подметного письма и в этом случае включил в состав своего сочинения написанные ранее «заготовки». Художественный прием «письма в письме» позволил автору избежать прямого монологизма и создать иллюзию объективного свидетельства-разоблачения главного героя (Феофана).

Римско-латинская тема широко освещалась в XVIII–XIX вв. и в анонимных сочинениях старообрядцев – но не в связи с Феофаном Прокоповичем, а в связи с фигурой Петра I-антихриста. Согласно старообрядческой версии, Петр «помазася на престол Всероссийский от Рима, Жидовски, по закону Римскому» и, подобно римскому папе, «восхити на ся не тоию Царскую власть, но и Святительскую и Божию, якоже и Папа в Риме». По мнению раскольников, еще во времена правления царя Алексея Михайловича и патриарха Никона вера святая в России была истреблена, а «Римская и Латынская возобновлена», а Петр, который объявил себя по-римски «императором», был настоящим еретиком и расколником, «приемником и узаконителем ересей Римских, Латинских, и Жидовских» [История печатная о Петре Великом: 58, 61, 68–69]. В подметном письме 1732 г. обвинения в связях с Римским папой были направлены уже против Феофана Прокоповича, а Петр обвинялся в симпатиях к «лютерской» вере. Однако общий обличительный пафос, характерный для старообрядческих писаний об «истреблении истинной веры» на Руси, в письме был сохранен.

Таким образом, текст первой части подметного письма 1732 г. представляет собой не однородное повествование, а сложный комплекс идей и мотивов, ведущих свое происхождение из старообрядческих «антизаповедей» начала 1700-х гг., с характерным апокалиптическим представлением об эпохе Петра I, царя-антихриста, как эпохе истребления православной веры, дополненных «антилатинским» разоблачительным письмом против Феофана, датируемым приблизительно 1718–1721 гг., и «еретическими» указами Священного синода 1721–1724 гг. Основной повествовательный слой второй части подметного письма 1732 г., относящегося к началу правления Анны Иоанновны, отмечен характерным представлением о социальном упадке общества, вызванном также апокалиптическим предчувствием близкой унии с «немцами»-лютеранами («напоследок со всеми немцами на унею соединитися вразумили, нарицая все их ереси от нашей веры яко не в далном разнствии...» [Известное подметное письмо: 452]).

Вторая часть письма⁸, описывающая реалии начала 1730-х гг., была адресована непосредственно императрице и была написана в форме прямого диалога с Анной Иоанновной. «Вам же, госуда-

рыня, откуда привиде Богом данные в России отеческие уставы разоряти, а немецкая предания утверждати?» – вопрошал императрицу автор письма [Известное подметное письмо: 457]. Помимо проблем конфессионального характера, характерных для первой части, в послании к императрице автор поднимал вопрос о бедственном состоянии наиболее обездоленных слоев населения, доведенных до нищеты в эпоху бироновщины: «Кресьянство бедное не знают праздника, ни дня воскресного, ниже прибегают к церкви Божией (выделено нами. – О. К.), всегда в работах, в наймах, в казаках, на правеже бесконечных фараонических тягостей <...>. Все питаемся травой и соль купим ис казны государевой. Не знаем, когда будет конец правежам нашим, з голоду и с холоду з женами и з детьми помираем» [Известное подметное письмо: 458].

Письмо наполнено поучительными примерами из церковной истории, из житий святых, целью которых было преподать своей собеседнице нравственный урок, обратиться к императрице к благочестивому образу жизни. В конце письма автор обращается к ней с прямым призывом утвердить на Руси святую веру, вернуть патриаршество, «еретиков же немец, разоряющих не токмо государство, но и веру православную гонящих, из державы вашей изгнати...» [Известное подметное письмо: 460]. В противном случае автор предрекает скорый гнев Божий, междоусобные брани, глады и пагубы. На этой ноте грядущего возмездия и заканчивается послание к императрице.

Отметим, что автор мастерски владеет богатыми выразительными возможностями церковнославянского языка, придающего его речи местами характер грозной, обличительной проповеди, а местами – патетического агитационного призыва. Множество скрытых и явных цитат из Священного Писания, примеры из церковной истории выдают в авторе письма богословски образованного писателя, а высказанные в нем оппозиционные взгляды характеризуют его как человека, близкого к церковно-консервативному кружку, сложившемуся в конце 1720-х – начале 1730-х гг. вокруг узника московского Симонова монастыря архимандрита Маркелла Радышевского (подробнее о нем см.: [Крашенинникова 2019]). Если Маркелл на следствии категорически отрицал обвинение в составлении каких бы то ни было подметных писем (хотя не скрывал своего авторства в отношении других полемических трудов), то его единомышленник и соратник Михаил Аврамов (1681–1752), бывший директор первой Санкт-Петербургской типографии, был человеком, который в разные периоды своей жизни множество раз прибегал к прямым обращениям к властям с изложением своих проектов, мнений, предложений и т. д. Аврамов был одним из наиболее образованных людей своего времени и находился в начале 1730-х гг. в оппозиции к вла-

стям и Священному синоду. По нашему мнению, именно он и мог являться настоящим автором письма 1732 г. (подробнее о нем см.: [Крашенинникова 2017]).

По своему яркому социальному пафосу, стремлению возвысить голос в защиту наиболее обездоленных слоев населения подметное письмо 1732 г. перекликается с другим похожим документом аннинского времени – так называемым «Доносом на откупщиков и компанейщиков, расхищающих казну и спаивающих народ, императрице Анне Ивановне» [Донос на откупщиков и компанейщиков]. В этом послании к императрице Анне Иоанновне автор, также неравнодушный к общественным бедам и горячо переживающий за гибнущий от пьянства народ, указывает еще на одну социальную язву своего времени: повсеместное спаивание народа откупщиками, получившими полную свободу в петровское время: «И оные откупщики и компанейщики <...> вникнули в народ, яко ядовитые змеи, пресыщающе лесть, гоняще народ к великой нищете и вечной погибели такими видами: как в Москве, так и во многих городех, расширяют и умножают множество кабаков, так и в селех и в деревнях для своих плутовских и великих прибытков. Первая язва от того пьянства: обленились множество народу, вступили в блуд, во всякую нечистоту, в тадбы, в убивство, в великие разбои <...> не знающе ни воскресного дня, ни Господских праздников (выделено нами. – О. К.) <...>. От того многия тысячи дельных и годных людей во всякой службе смертию казнены, а других множество народа бьют кнутом и посылают на вечную работу, иных множество народу по важностям ошельмовано, а других множество во пьянстве простаго народа умирает безвременно и предают души своя дияволу, другие впадают в напрасныя беды...» [Донос на откупщиков и компанейщиков: 11]. Этот документ – так же, как и подметное письмо 1732 г., – изобилует высокой библейской лексикой, церковнославянизмами, в нем встречаются ссылки на Священное Писание. Близость этих двух документов эпохи по содержанию и стилю, некоторые дословные текстовые совпадения между ними позволяют предположить, что они могли быть написаны одним и тем же автором...

Данный обзор наиболее известных к настоящему времени текстов первой трети XVIII в., которые могут быть отнесены к жанру «подметных писем», не претендует на полноту. Дальнейшие архивные разыскания, возможно, подарят нам еще некоторое количество этих уникальных документов эпохи, которые в свое время, едва появившись, подвергались немедленному уничтожению. Тем ценнее для нас те немногие памятники «народной публицистики», которые чудом сохранились и донесли до нас подлинную сердечную «скорбь и тугу» человека петровской и аннинской эпохи.

Примечания

¹ Подметное письмо (устар.) – письмо, подкинутое, подброшенное тайно (ср. «подмет» – ложный донос).

² Речь идет о герцоге Карле Фридрихе Гольштейн-Готторпском (1700–1739), племяннике шведского короля Карла XII и отце будущего российского императора Петра III, который в 1721 г. женился на дочери Петра I Анне Петровне и остался жить в России в надежде наследовать российский престол. В первые годы после смерти Петра состоял членом Верховного тайного совета.

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. VII. Оп. I. № 199. Л. 8.

⁴ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб., [1830]. Т. 5 (1713–1719). № 2877. С. 137–138.

⁵ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб., [1830]. Т. 8. № 6159. С. 900.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т. 5. С. 138.

⁷ Это был один из немногих случаев, когда автор подметного письма сам впоследствии признался в составлении текста письма.

⁸ Вернее было бы назвать эту часть отдельным, самостоятельным посланием более позднего происхождения, чем предыдущий текст.

Список литературы

Донос на откупщиков и компанейщиков, расхищающих казну и спаивающих народ, императрице Анне Ивановне // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.: В Университет. тип., 1866. Кн. 1. Смес. С. 8–13.

Есипов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. Т. 1. 654 с.

Известное подметное письмо 1732 года // Очерки истории русской публицистики XVIII века. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 448–470.

История печатная о Петре Великом. Собрание от Святаго Писания о Антихристе // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.: В Университет. тип., 1863. Кн. 1 (январь – март). Смес. С. 52–71.

Крашенинникова О.А. Подметное письмо 1732 года и его предполагаемый автор // Очерки истории русской публицистики XVIII века. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 409–447.

Крашенинникова О.А. «Индекс отреченных книг» архимандрита Маркелла Радышевского // Два века русской классики. 2019. Т. 1. № 1–2. С. 8–33.

Курукин И.В., Никулина Е.А. Повседневная жизнь тайной канцелярии. М.: Молодая гвардия, 2008. 638 с.

Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. // Иржи Давид. Современное состояние Великой России, или Московии / подгот. А.И. Цепков. Рязань: Александрия, 2010. 333 с.

Подметное письмо государю императору Петру Первому // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.: В Университет. тип., 1860. Кн. 2. Смес. С. 27–30.

Чистович И.А. Решиловское дело: Феофан Прокопович и Феофилакт Лопатинский: материалы для истории первой половины XVIII столетия. СПб.: Тип. духов. журн. «Странник», 1861. 64, 31 с.

References

Donos na otкупshchikov i kompaneyshchikov, raskhishchayushich kkhaznu i spaivaiushichkh narod, imperatritse Anne Ivanovne [A denunciation of tax-farmers and company managers, plundering the Treasury and soldering the people, addressed to the Empress Anna Ivanovna]. *Chteniia v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom Universitete* [Readings at the Imperial society of Russian history and antiquities at Moscow University]. Moscow, V Universitet. Tipografii Publ., 1866, vol. 1, Smes', pp. 8–13. (In Russ.)

Esipov G. *Raskol'nic'i dela XVIII stoletia, izvlechennye iz del Preobrazhenskogo prikaza i Tainoi rozysknykh del kantseliarii* [Schismatic cases of the XVIII century, extracted from the cases of the Preobrazhensky order and Secret search cases of the office]. Saint-Petersburg, Tip. Tov-va «Obshchestvennaia pol'za» Publ., 1861, vol. 1, 654 p. (In Russ.)

Izvestnoe podmetnoe pis'mo 1732 goda [Famous anonymous letter of 1732]. *Ocherki istorii russkoi publitsistiki XVIII veka* [Essays on the history of Russian journalism of the XVIII century]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2017, pp. 448–470. (In Russ.)

Istoriia pechatnaia o Petre Velikom. Sobranie ot Sviatogo Pisanii o Antikhriste [Printed history of Peter the Great. Collection from the Holy Scripture about the Antichrist]. *Chteniia v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom Universitete* [Readings at the Imperial society of Russian history and antiquities at Moscow University]. Moscow, V Universitet. Tipografii Publ., 1863, vol. 1, Smes', pp. 52–71. (In Russ.)

Krasheninnikova O.A. *Podmetnoe pis'mo 1732 goda i ego predpolagaemyi avtor* [An anonymous letter from 1732 and its intended author]. *Ocherki istorii russkoi publitsistiki XVIII veka* [Essays on the history of Russian journalism of the XVIII century]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2017, pp. 409–447. (In Russ.)

Krasheninnikova O.A. «*Indeks otrечennykh knig*» *arkhimandrita Markella Radyshhevskogo* [«Index of renounced books» of Archimandrite

MarcellRadyshevskii]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two Centuries of the Russian Classics], 2019, vol. 1, № 1–2, pp. 8–33. (In Russ.)

Kuruikin I.V., Nikulina E.A. *Povsednevnaia zhizn' tainoi kantseliarii* [Daily life of the secret office]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2008, 638 p. (In Russ.).

Pis'ma i doneseniiia iezuitov o Rossii kontsa XVII i nachala XVIII vv. [Letters and reports of the Jesuits about Russia of the late XVII and early XVIII centuries]. *Irzhi David. Sovremennoe sostoianie Velikoi Rossii, ili Moskovii*, podgot. A.I. Tsepkov [Irzhi David. The current state of great Russia, or Muscovy, ed. by A.I. Tsepkov]. Riazan', Aleksandriia Publ., 2010, 333 p. (In Russ.)

Podmetnoe pis'mo gosudariu imperatoru Petru Pervomu [Anonymous letters to the Emperor Peter the Great]. *Chteniia v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom Universitete* [Readings at the Imperial society of Russian history and antiquities at Moscow University]. Moscow, V Universitet. Tipografii Publ., 1860, vol. 2, Smes', pp. 27–30. (In Russ.)

Chistovich I.A. *Reshilovskoe delo: Feofan Prokopovich i Feofilakt Lopatinskii: Materialy dlia istorii pervoi poloviny XVIII stoletii* [Reshilov case: Feofan Prokopovich and Feofilakt Lopatinsky: Materials for the history of the first half of the XVIII century]. Saint-Petersburg, Tip. dukhov. zhurn. «Strannik» Publ., 1861, 64, 31 p. (In Russ.).